

Пока Инь Линьшэн крутился рядом, о спокойной учёбе можно было забыть. С трудом вытерпев назойливое щебетание младшего, Чу Юньсянь принялся складывать учебники в рюкзак, твёрдо вознамерившись сбежать в библиотеку.

Заметив это, Линьшэн послушно притих, но перед этим всё же жалобно заглянул другу в глаза:

— А-Сянь, ты злишься?

Глядя на этот несчастный, обиженный на весь мир взгляд, Чу Юньсянь не удержался и взъерошил ему волосы.

— С чего бы? — мягко, с невольной нежностью отозвался он. — За что мне на тебя злиться?

Парень мгновенно повеселел. Словно ласковый щенок, он прильнул к плечу Юньсяня, заглядывая снизу вверх чистыми, сияющими глазами. Его голос звучал приглушённо и мягко:

— А-Сянь, ну когда ты уже согласишься стать моим парнем? Я ведь правда тебя очень, очень люблю.

Юньсянь промолчал.

«И зачем я только проявил мягкость? — укорил он себя. — Дай этому мальчишке палец — он по локоть откусит».

Закинув рюкзак на плечо, он решительно направился к выходу. Линьшэн не мог молчать дольше пяти минут. Оставь его в тишине читального зала хотя бы на час — и тот либо сойдёт с ума сам, либо сведёт с ума всех окружающих.

До сих пор оставалось загадкой, как этот болтун умудрился поступить в престижный Университет S.

Чу Юньсянь лишь покачал головой. Наверное, в этом и крылась извечная разница между людьми. Если не считать привлекательной внешности, которой его щедро одарила природа, всё остальное в жизни давалось ему лишь через колоссальный, упорный труд. Порой он искренне завидовал тем, у кого был врождённый талант.

Например, У Цзиньмину. Тот обладал безупречным музыкальным слухом, виртуозно играл на бас-гитаре и, помимо рутинной учёбы, горел любимым делом.

Сам же Юньсянь ничем подобным похвастаться не мог. В университете он держался особняком, игнорировал студенческие клубы, а его будни давно превратились в замкнутый круг из бесконечных лекций, конспектов и подработок. Он даже не был уверен, осталась ли в

его очерстневшем сердце способность по-настоящему любить.

Слишком много лиц промелькнуло перед глазами, слишком много чужих драм он повидал. В итоге он стал патологически скуп на чувства — боялся ранить кого-то своей холодностью или, что ещё хуже, обжечься самому.

В одиночестве дышалось легче. Никаких обязательств, никаких ожиданий.

Когда становилось совсем тоскливо, он просто вставлял в уши наушники и включал случайный плейлист. Музыкального вкуса у него не было — он слушал всё подряд, не отдавая предпочтения ни одному жанру.

В этот раз он лениво ткнул пальцем в незнакомый трек. Наушники тут же взорвались бешеной барабанной дробью. Палочки колотили по мембранам с частотой пулемётной очереди, медь тарелок оглушительно звенела, а глубокие удары бас-бочки оседали в груди, словно чья-то тяжёлая ладонь сжимала горло. Нарастающий безумный ритм мгновенно нарисовал в сознании силуэт безумца, мечущегося на сцене под тусклым светом софитов. Казалось, музыкант ведёт отчаянную борьбу не на жизнь, а на смерть. Каждое движение рук походило на взмах клинка, вонзающегося прямо в сердце — брызги крови, хриплый предсмертный выдох... Но стоило звуку затихнуть, как новый виток ритма, словно удар милосердия в грудь самой Смерти, заставлял едва угасшую жизнь вспыхнуть с новой, первобытной силой.

Музыкант творил на грани безумия, и этот необузданный драйв мгновенно передавался слушателю.

То была отчаянная попытка запертого в тесной клетке зверя вырваться на волю.

Барабаны резко смолкли, уступая место дуэту клавишных и гитары. Эта часть уже не несла в себе прежней агрессии — она накатывала мерно и мягко, словно волны, лижущие прибрежные скалы. Но вот в мелодию вплёлся низкий, с хрипотцой мужской вокал. Звук снова взмыл к кульминации: голос ревел, подобно бурной чёрной реке, несущейся к океану. В этом неистовом крике клокотала необузданная жажда жизни, за которой угадывалась глубокая, раздирающая душу внутренняя борьба автора.

Все противоречия слились воедино, чтобы в финальном аккорде сгореть дотла.

Музыка смолкла, и плеер автоматически переключился на следующий трек.

Обычно Юньсянь не обращал внимания на исполнителей, но сейчас, поддавшись секундному порыву, разблокировал экран, вернул предыдущую песню и заглянул в описание. Нажал на сердечко, добавляя трек в избранное.

Azrael — Азраэль. Ангел смерти.

И имя полностью соответствовало сути. Этот человек в одиночку написал текст, аранжировал клавиши, записал партию ударных и сам же исполнил песню.

Его вокал действительно... пробирал до костей.

После этой встряски на душе у Юньсяня стало удивительно легко. Тягостные мысли отступили.

Он уже понадеялся, что остаток дня проведёт в таком же умиротворённом настроении, но не успел сделать и десяти шагов, как у самого входа в библиотеку дорогу ему преградил этот прохвост Цинь Хуань.

— Привет, староста, — сухо процедил Юньсянь, смерив взглядом высокую фигуру.

Цинь Хуань стоял у терминала распознавания лиц. Лицо его скрывала чёрная маска, руки были небрежно засунуты в карманы брюк, а голова слегка опущена. Услышав голос, он лениво приоткрыл глаза. Он уставился на Юньсяня тёмными, почти чёрными глазами, и в их глубине заплясали весёлые искорки.

Какое совпадение.

Они расстались всего полчаса назад, и вот опять столкнулись нос к носу. После такого они просто обязаны были немедленно отправиться в ЗАГС!

Впрочем, Хуань умел делать выводы из прошлых ошибок. Весь первый курс он безуспешно и настойчиво обхаживал Юньсяня, но тот оставался неприступен как скала. Позже, когда он сменил тактику и стал примеривать на себя роль заботливого старосты, отношение к нему не изменилось ни на йоту. И лишь сегодня, после нелепого инцидента с Мэй Лин, его неприступный «милаш» наконец-то соизволил смутиться и покраснеть в его присутствии.

Слегка склонив голову набок, Цинь Хуань прищурился, явно замышляя какую-то каверзу. Наклонившись ближе, он негромко произнёс:

— Привет, милашка. Снова встретились.

«Милашка?! Какая, к чёрту, милашка?!»

От этого приторного обращения у Юньсяня по коже побежали крупные мурашки. Когда этот тип бегал за ним толпой, он себе таких нежностей не позволял. Почему теперь, когда ухаживания вроде как прекратились, его потянуло на откровенный флирт? Опять задумал какую-то пакость?

— Отвали! — огрызнулся Юньсянь. — Какой я тебе милашка? С дороги!

Хуань и не думал двигаться. Напротив, он шагнул ещё ближе, почти касаясь плечом Юньсяня, и заговорщически прошептал:

— Ну почему же... Очень даже милый. — Посчитав, что этого мало, он с улыбкой добавил: — Прямо как гадкий утёнок.

«Гадкий утёнок...»

Юньсянь зажмурился, изо всех сил стараясь не съездить наглецу по физиономии. Всё ясно. Этот мерзавец просто нашёл изощрённый способ обозвать его уродом!

Поскольку они стояли у самого входа в библиотеку, устраивать сцену здесь было нельзя. Стиснув зубы, Юньсянь процедил:

— За мной.

В чёрных глазах Цинь Хуаня вспыхнул победный огонёк. Решив, что его «утёнку» прозвище пришлось по душе, он с превеликой готовностью зашагал следом.

Они зашли в небольшую рощицу за зданием библиотеки. Один лихорадочно соображал, как бы побольнее и поизящнее уколоть собеседника в ответ, другой — как заставить парня подольше задержаться на нём взгляд.

В итоге они молча простояли среди деревьев минуты три, просто буравя друг друга глазами. Когда до Юньсяня наконец дошло, насколько нелепо выглядит эта немая сцена, он мысленно обозвал себя полным идиотом.

Развернувшись на каблуках, он быстрым шагом направился обратно к библиотеке, от смущения едва не путаясь в собственных ногах.

Юньсянь устроился на своём привычном месте в читальном зале. Рядом уже сидел Цзян Лихань. Его длинные, изящные пальцы с чётко очерченными суставами уверенно порхали по клавиатуре ноутбука. На бледной коже тыльной стороны ладоней проступали синеватые вены, придавая его рукам какую-то особую, порочную мужественность.

Да, Юньсянь был геем и никогда этого не скрывал. Но его не привлекали миловидные мальчики вроде Инь Линьшэна. Ему нравились мужчины со внутренним стержнем, чья скрытая сила напоминала дремлющий вулкан — способный в любой момент взорваться и сжечь дотла остатки чужого благоразумия.

Сам он относил себя к тому же типу, а потому искал равного партнёра, способного твёрдо стоять с ним плечом к плечу.

Почувствовав движение рядом, Лихань поднял голову и негромко поздоровался:

— Пришёл?

— Угу, — так же тихо отозвался Юньсянь с лёгкой улыбкой.

Обменявшись парой слов, они погрузились в работу. Больше они друг друга не отвлекали.

Однако сосредоточиться никак не получалось. То ли в зале было слишком душно из-за кочегарящего на полную мощность зимнего отопления, то ли мысли упорно возвращались к недавней встрече. Вспоминать свой поспешный уход из рощи было тошно. Чем больше он об этом думал, тем сильнее крепла уверенность: он банально струсил и сбежал.

Злость брала. Настоящая, удушливая злость!

С какого перепугу этот придурок сравнил его с гадким утёнком?!

Юньсяню никогда не приходилось выслушивать упрёки в адрес своей внешности — напротив, его всегда осыпали комплиментами. Разумеется, у него, как у любого нормального человека, бывали придирки к собственному отражению в зеркале, но одно дело — заниматься самокритикой наедине с собой, и совсем другое — услышать нечто подобное от постороннего.

И вообще... при чём тут гадкий утёнок?

«Где в этом образе хоть капля очарования? Если бы это было комплиментом, сказку бы назвали "Милый утёнок", а не "Гадкий"!»

Юньсянь обречённо уставился в экран. Чем сильнее он пытался вникнуть в учебный материал, тем навязчивее перед глазами маячил образ этого пернатого недоразумения. В конце концов мозг окончательно заклинило.

— Что-то не так? — заметив его ступор, тихо поинтересовался Лихань.

— Всё в порядке, — спохватился Юньсянь. — Пойду подберу кое-какую литературу.

Он резко поднялся и ушёл вглубь книжных стеллажей. Вернулся он лишь спустя пятнадцать минут, неся в руках внушительную стопку книг.

На самом верху красовались пособия: «Искусство красноречия», «Ораторское мастерство за тридцать минут» и «Как ставить на место без мата».

Под ними покоилась вторая часть улова: «Гид по стилю для мужчин», «Раскрой свою привлекательность» и «Секреты безупречного образа».

Это была подготовка по всем фронтам. Если этот паршивец Цинь Хуань ещё хоть раз посмеет заикнуться про гадкого утёнка, Юньсянь устроит ему такой лингвистический разнос, что тот вовек не отмоется.

Тоже мне, мастер сарказма выискался. Мы ещё посмотрим, у кого язык острее.

<http://bllate.org/book/19791/2029031>